

Евгений Балакиров

The Trolls

Музыкальные Приключения

МОСКОВСКАЯ ИСТОРИЯ О ТРОЛЛЯХ

Наш паровоз вперёд летел и летел, колёса стучали по стыкам, отбивая чёткий ритм и казалось, что скоро будет остановка. «Нынешнее поколение людей будет жить при коммунизме» - объявил Никита Сергеевич Хрущёв в начале шестидесятых. Но чем дольше паровоз летел, тем меньше надежд оставалось у тех, кто укладывал шпалы и рельсы, что остановка в некоей коммуне когда-нибудь действительно будет. «Жаль только жить в эту пору счастливую уж не придётся ни мне ни тебе» - шутили в компаниях друзей на праздниках.

А в это время из-за границы, через щели и трещины «железного занавеса», пробиралась идеология свободы самовыражения, которая совершенно естественным образом, и довольно быстро, приживалась в системе полного отрицания всего, что не совпадало с официальной идеологией коммунизма и «социалистическим образом жизни».

Глава 1

Ох уж эти инстинкты!

Мальчику, семи лет отроду, трудно было себе представить, что природные инстинкты не всегда удаётся контролировать. Они проявлялись неожиданно и своей удивительно непредсказуемой, но естественной силой поражали сознание, вызывая бурные эмоции.

Город Анапа на Азовском море был известен своими силиконовыми грязями, неглубокими бухтами, богатыми йодо-содержащими водорослями и золотыми песчаными пляжами, конечно, не такими как, по слухам, в Болгарии, но по-видимому сравнимыми с ними.

Пока папа занимался вопросами подъёма «народного хозяйства», мама с подружкой решили свозить своих детей на море. Для многих море всегда звучало волшебно и будоражило воображение. О нём мечтали и думали, копили деньги, чтобы съездить, погреться на южном солнышке и вдоволь накупаться. Поехать отдыхать «На Юг» мечтали все.

Однако, хотеть – это одно, а мочь – это другое. Санаториев на всех не хватало и простым смертным путёвок достать туда, как и билетов на поезд, было делом нелёгким. Поэтому ехали «дикорями», искали местных бабулек, которые сдавали койку или комнату. Вот и мы поехали, как говорится, «на ура» и на железнодорожном вокзале нашли старушку, которая предложила комнатку за резонную оплату. Мама с подружкой были рады удаче, тем более, что бабушкин домик был всего в 15 минутах ходьбы от пляжа, а напротив стоял полузаброшенный футбольный стадион, где в футбол, похоже, играли для фарса, ведь у местных команд шансы на успех «пели романсы».

Разместившись и разложив наш курортный багаж, мы сразу же отправились на пляж. Помню, выброшенная на песок тина воняла какой-то рыбной тухлятиной, а в воде было столько медуз и водорослей, что купание было не очень-то приятным занятием, как будто в свином холодце с чесноком, укропом и петрушкой.

Мелководье, тянущееся на сотни метров в открытое море, порядком раздражало. Хотелось глубины и подводных приключений. Хотеть, однако, было не вредно, а купаться скучно.

Я любил плавать далеко и получал хворостиной по заднице каждый раз, когда после заплыва на большое расстояние в сторону открытого моря, возвращался на берег, где мать почти лежала в обмороке от воображаемой потери сына, чья голова вдалеке периодически терялась из виду. Тренировки в хлорированной воде плавательного бассейна «Спартак» в г.Сталинграде давали определённую самоуверенность, которая постоянно толкала на покорение новых «Эверестов». Молодые умы чаще всего оказываются настолько беспечными, что не осознают, в какой степени они рискуют своей жизнью.

Присущий любому риску авантюризм проникал вглубь моего организма и это, по-видимому, сказалось на моей дальнейшей жизни и карьере.

Музыка была чем-то обворожительным, но ходить в музыкальную школу по классу пианино не хотелось, а тем более играть то, что требуют. Отец играл на пианино на слух всё, что угодно. В компаниях и застольях его всегда просили поиграть. Дядька мой был конферансье, и я его держал за кумира, которому в определённой степени подражал, проявляя генетические способности к исполнительскому мастерству, в частности подражая Раджу Капуру из индийского фильма «Господин 420», который был очень популярен в то время. Домашние посмеивались, глядя на мои выкрутасы.

Хотелось того, чего хотелось, а мои родители пытались, но не всегда успешно, отбиваться от моих запросов. Когда в «Детском Мире» я увидел игрушечный грузовик и попросил родителей мне его купить, последовал отказ. Тогда я стал складывать монетки, которые мне давали на покупку пирожков и коржиков в школьном буфете, и в конце концов, я собрал 2 рубля 40 копеек, что и требовалось для достижения цели – покупки грузовичка. По этому поводу мать особенно расстроилась, так как «голодание» сына в её планы не входило, и последовало соответствующее наказание, хотя и весьма условное – пара шлепков по заднице.

В 1961 году Никита Сергеевич Хрущёв после поездки в США решил культивировать кукурузу для откормки закупленного поголовья свиней, надеясь обеспечить население мясом, и по-видимому Украину, откуда

он был родом, салом. Однако, бесперспективное колхозное и совхозное сельское хозяйство, а также желание чиновников выслужиться, привело к очередному «перегибу в линии Партии» и многие пшеничные поля засеяли кукурузой, рапортовав Партии и Правительству о выполнении «встречных обязательств», что в конечном итоге ударило по желудку, а параллельно последовавшая денежная реформа крепко ударила ещё и по карману.

Занимать очередь за белым хлебом в 4 утра и стоять до открытия булочной в 9 утра, чтобы за новые, т.е. обесцененные старые, деньги купить одну сайку, если достанется, мне совсем не хотелось. К белому хлебу тогда относились как к пироженому.

Всегда хотелось какой-то цели, какого-то результата. Отец в свободное время увлекался шахматами и фотографией, играя в турнирах и составляя растворы для проявления фотоплёнок и печатания фотографий. Я быстро научился играть и решать двух- и трёх-ходовые матовые шахматные комбинации, а также проходить весь цикл изготовления фотографий. Фотоаппарат «Киев», которым пользовался отец, считался самым крутым, но мне его, естественно, не доверяли. Однако, очень хотелось свободы, и я стал канючить, чтобы родители мне купили фотоаппарат. И они таки купили мне «Смену-2», сделавшую меня весьма популярной «персоной» в доме, где мы жили, и во всём

дворе. Фотографий было сделано «бесчисленное» множество. Как говорится, есть что вспомнить.

В 1963 году на открытие Волжской Гидроэлектростанции, названной в честь XXII Съезда КПСС, должен был приехать сам Н.С. Хрущёв, но не один, а с лидером кубинских коммунистов Фиделем Кастро Рус. Тогда я подумал, что пришло время сделать несколько исторических кадров.

Н. С. Хрущёв, однако, приехать не соизволил, и Фиделя встречал местный партийный босс. Кавалькада машин не была большой и сопровождалась милицией на мотоциклах. Маршрут следования «легендарного» в то время кубинского революционера не был ни для кого секретом. Напротив, предполагалось, что в поддержку кубинской революции, волгоградцы (бывшие сталинградцы) выстроятся вдоль всего маршрута следования, помахивая заранее выданными организаторами советскими и кубинскими флажками, тем самым выражая солидарность с Кубинской революцией.

Мне надо было обязательно сделать исторический снимок, чтобы удовлетворить свои амбиции. Небольшого роста, я выскочил на дорогу и сделал несколько желаемых фотографий.

Милиция не очень-то прореагировала на мои действия, но мне показалось, что партийный работник, обратил на меня внимание и наверняка подчеркнул Фиделю, как советская молодёжь его обожает, широко улыбнувшись. Может быть это действительно мне показалось, но чувство достижения цели мне доставило большое удовлетворение. Фотографии я проявил в этот же день и удивил отца своей прытью. Просто упомяну, что очень скоро он мне купил «Зоркий» - фотоаппарат, оснащённый объективом «Юпитер-5», с которым я сделал множество великолепных снимков. К сожалению, его потом украли, а может быть я его где-то сам «посеял».

Шли годы и в 13 лет развоdivшиеся родители «заставили» меня искать душевный баланс на улице. Были у меня 3 друга детства и, между прочим, нам всем по вкусу пришлись американские вестерны. После просмотра чехословацкой пародии на них под названием «Лимонадный Джо», мы присвоили себе соответствующие клички. Я был «Лимонадным Джо», Вовка Кинос стал «Хого Фого», Сашка Поповский - «Аризонской Пенкой».

В результате были изготовлены шляпы, деревянные револьверы по типу Кольтов, оснащённые охотничьей гильзой, которые стреляли капсюлями. Мы бегали с ними по подъездам чужих домов и палили по лампочкам. Шума было много и эффект разбивающейся вдребезги лампочки доставлял удовольствие ощущением беззакония «Дикого запада», прямо как в кино. Поскольку такие проявления свободолюбивых граждан было редкостью, всё каким-то образом сошло с рук.

Очень быстро чувство индивидуального превосходства и самоутверждения сменилось чувством коллективизма. Молодёжь стала собираться группами во дворах и что-то вместе делать. Мальчики хотели быть с девочками, а девочки флиртовать с мальчиками. Единственное, что всех во дворе объединяло, была музыка, гитара и какой-то центр притяжения. Неизвестно откуда, появился парень, которого никто не знал, принёс гитару и в беседке стал петь блатную

песню «Караван», который тихо шагал в предрассветной дали. Я тогда подумал, а почему бы после окончания музыкальной школы по классу пианино мне не научиться играть ещё и на гитаре? Я сразу попросил этого «чувачка» показать мне, какие струны надо зажимать.

Гитара была семиструнная и он показал мне стандартные аккорды для тюремных песен, включая «большую звёздочку», «малую звёздочку», «лесенку» и тому подобные аккорды с какими-то не музыкальными по тем временам названиями, а также основной ритм для пальцев правой руки, который он назвал «восьмёрочка». Это оказалось совсем не трудно и через 5 минут я ударял по струнам, как будто бы всю жизнь играл на гитаре.

Отец всегда хотел, чтобы дети занимались музыкой, но моя сестра, Аида, в музыкальную школу поступить не смогла, хотя музыку любила. Однако, гитару она всё таки заполучила, по виду как у цыган.

Я же стал ходить по музыкальным магазинам Волгограда в поисках гитары для себя, но уже шестиструнной. В один прекрасный день я нашёл то, что искал, с пьезоэлектрическим звукосъёмником, и тут же «напал» на родителей по поводу её покупки. После непродолжительного сопротивления, мама сдалась, и я получил, что хотел. В дополнение ко всему, оказалось, что отцовский радио

приёмник «Латвия» имел 10-ти ваттный динамик и вход для подключения внешнего источника звука.

Этот приёмник не всем был доступен, только тем, кто «верно служил» партии и идеям строительства коммунизма. Мой отец, как и его двоюродный брат, который в то время проживал с нами, ловили волны из-за границы, в основном музыку. «Голос Америки», «Свободную Европу», «Би-Би-Си» и «Радио Люксембург» можно было поймать в диапазоне 9ти – 19ти метровых волн, остальные волны коммунисты глушили. В основном отец и дядька слушали джаз Глена Миллера и другую подобную музыку, которую коммунистическая идеология официально отвергала, хотя многие коммунисты её неофициально слушали и наслаждались. Спасибо леониду Утёсову, который потихоньку продвинул советское «джазовое» направление. Был и джаз-ансамбль Олега Лундстрема, более классический.

Сестра моя дружила с соседом этажом выше, звали его Вадим Посохин, который был очень продвижен в музыке и имел магнитофон с записями Чабби Чекера, Элвиса Пресли, Литтл Ричарда, Джери Ли Луиса и других американских звёзд того времени. Он открывал окно, выставлял туда динамик и играл эти песни на весь двор. Однако, никто не жаловался – музыка была что надо и, казалось, всем нравилась! Самый популярный танец среди молодёжи в то время был «твист». Не удивительно, что и моя сестра вместе с её ровестниками «отключивала» его на полную

катушку. Интересно, что сестра усиленно добивалась талии как у Людмилы Гурченко и крутила хулахуп как одержанная, забросив свою гитару, но мне её брать на улицу всё равно не разрешала.

К хорошей, динамичной и экспрессивной музыке у меня всегда была тяга, но мой выбор в значительной степени пал на «Битлз». Мой одноклассник Володька Матюшенко дал мне их запись, после чего мой музыкальный путь чётко определился. Посмотрел я на свою акустическую гитару со съёмником и подумал, а можно ли её переделать в битловскую. В этот момент проявились мои ещё не раскрытые в то время инженерные способности. Единственно доступный материал, из которого можно было что-либо изготовить, был геттинакс. Я тогда подумал, что пластины различной толщины можно использовать, чтобы изготовить «рогатую» гитару, как у Битлов. Связи отца, работавшего в Совнархозе, были обширные и в скором времени у меня появились листы геттинакса для реализации моей затеи.

Вырезав переднюю и заднюю части предполагаемой рогатой гитары, а также другие детали, я снял гриф и пьезо съёмник с акустической гитары и поставил их на «самострой», который выглядел как примитивная копия Реккенбеккера, на которой играл Джон Леннон.

Подоспел новогодний вечер в английской школе для старших классов, где я учился, и я предложил спеть песню на английском языке. В то

время западная рок музыка ещё не наделала шума, и никто не использовал цензуру при публичных выступлениях кого-либо на самодеятельных мероприятиях, как то школьные вечера.

Без всяких задних мыслей и с единственным желанием самовыразиться, притащил я в школу папин приёмник «Латвия», подключил туда свою самодельную рогатую гитару и исполнил битловскую «She Loves You». Это был фурор – необычно, оригинально и мне тогда показалось, что вид моей гитары всем тоже пришёлся по вкусу.

Сидя в беседке с друзьями и соседскими девчонками, петь блатные песни уже не хотелось, и всем нравилось как я играл и пел на английском языке битловские песни. Не удивительно, что девочки, тоже взрослея, стали обращать на меня больше внимания.

Родители в конце концов развелись и, поскольку отцу предложили работу в Москве, я был поставлен перед выбором – остаться в Волгограде с матерью или ехать с отцом. Без меня он ехать не хотел, а мать не возражала, что я поеду, поскольку родители от меня ожидали поступления в какой-нибудь московский ВУЗ, но почему-то не хотели, чтобы я жил в общежитии.

Таким образом, в 16 лет я оказался в Москве, городе, где всё было, где все мечтали учиться и жить.

Глава 2

От судьбы не убежишь, никуда не денешься.

Что же ты, моя печаль, не мычишь, не телишься?

Школа ещё не началась, а сидеть в трёхкомнатной, ещё не полностью обставленной квартире, было скучно. Совершенно не зная Москвы, я тем не менее решил отправиться на Красную Площадь.

Уселся в первый попавшийся трамвай, который вроде бы шёл в нужном направлении, указанным каким-то прохожим. Однако после 40 минут езды, я понял, что заехал не туда и вышел из трамвая в Лефортово, прямо напротив главного корпуса Московского Энергетического Института. Тогда я ещё не знал, что МЭИ сыграет определённую и весьма существенную роль в моей жизни.

Может это было простым стечением обстоятельств, но казалось, что какая-то потусторонняя сила вела меня в нужном направлении.

Вечером я рассказал отцу про своё трамвайное приключение, и он поведал мне, что сын его знакомой коллеги, Слава Аракелов, с которым у нас была мимолётная дружба в Волгограде, поступил на первый курс МЭИ и живёт там в общежитии.

На следующий день я отправился по проторённому пути в МЭИ, чтобы его разыскать. Славка был очень рад встрече и поделился своими планами создать рок-группу. Какой-то польский студент привёз ему рогатую электрическую бас гитару, с этого всё и началось. Славка знал, что я закончил музыкальную школу по классу пианино и предложил мне присоединиться к группе. Группы, как таковой на самом деле не было, а был ещё один студент, Коля Курьеров, который тоже приехал из Волгограда и имел музыкальное образование.

Дальше разговоров у Славки дело не пошло и после нескольких осенних месяцев всё закончилось тем, что его отчислили из института, и он уехал обратно в Волгоград. Мы с Колей остались вдвоём, но идея создания своей группы нас не покидала. Поигрывали летом в сквере на Проспекте Ленина в Волгограде, собирая вокруг себя любопытствующую молодёжь.

В то время в Москве уже существовали рок-группы, в основном студенческие – самая первая группа «Соколы», затем появилась польская группа «Тараканы», потом «Аргонафты» и «Идолы». У «Аргонафтов» был органист-клавишник и это их в какой-то степени выделяло среди остальных. «Идолы» поражали тем, насколько точно их соло-гитарист, Шамиль Сарыев, слизывал оригинальные гитарные партии у Битлов. Позже, Шамиль Сарыев закончил МЭИ и уехал к себе домой, на этом Идолы распались, а Филипп – бывший барабанщик

Идолы, стал тереться возле нас, но намерений менять состав у нас не было.

На одном из вечеров, где играли «Идолы», мы с Николаем познакомились с тремя другими ребятами, у которых тоже были планы создать свою группу. Оказалось, что Миша Мошков уже имел барабанную «тройку», Толя Мошков обладал достаточно хорошим голосом, а также мог играть на пианино и ритм-гитаре, а огромного роста Миша Нестеров желал играть на бас гитаре. Коля согласился взять на себя роль соло-гитариста, а я – клавишника со своей органомой «Юность», купленной по случаю. Таким образом, в одно мгновение наша рок-группа сформировалась, а название уже у Миши Мошкова было готово - «Тролли». Эдакие шутники-волшебники из Скандинавии. Была и кукла-сувенир, которую потом воспроизвели на майках с названием группы.

Оставалось раздобыть нужные инструменты и усилители. Единственное место, где можно было купить какие-то импортные инструменты, был магазин «Лейпциг», где продавались товары из ГДР. Оказалось, что директора магазина хорошо знал друг моего отца, который и попросил помочь. «Лейпциг» ожидал поступления четырёх рогатых гитар «Музима» производства ГДР. Профессиональные музыканты крутились вокруг магазина как мухи, надеясь приобрести импортную электрогитару. Но увы, три из четырёх поступивших гитар на прилавок

не попали, а прямо со склада магазина ушли Троллям в руки. Миша Мошков где-то приобрёл динамики и вместе с другим Михаилом и Колей они изготовили как усилители, так и колонки, каких в Москве ни у кого не было. По внешнему виду они напоминали битловские «Воксы». За относительно короткое время подготовили трёхчасовую программу, которую с успехом отыграли на новогоднем вечере для работников института (Институт Высшей Нервной Деятельности АН СССР), где оба Михаила работали. Перед нами выступал Владимир Высоцкий, который тогда только приобретал популярность. Народ собрался на Высоцкого, но и мы в грязь лицом не ударили. Помню, пел я песню английской группы Энималз «Я плачу». Таким образом, «Тролли» стали пятой по счёту состоявшейся московской рок-группой.

Популярность росла невероятными темпами, не смотря на то, что возможности выступлений были ограничены «самодеятельным» характером группы. Время требовало более серьёзного, более профессионального подхода.

Продолжать репетировать в институте в рабочее время, где в соседней комнате котам вставляют в оголённый череп электроды, было уже невозможно и Михаил занялся поиском клуба, где Тролли могли бы «бросить якорь».

Дом Культуры «Химик» Дербеневского Химзавода оказался таким местом. Не смотря на свою партийную закалку, прошедшая войну директриса с грубым голосом и папирсой во рту, однако, встретила нас весьма приветливо.

В клубе крутили полнометражные кинофильмы, но народ туда не собирался и кинозал не заполнялся. Предоставив нам коморку для хранения музыкального оборудования и комнату для репетиций по воскресеньям, нас взамен попросили играть перед сеансами в течение 30 минут.

Не смотря на то, что мы пели только на английском языке, народу всё нравилось и в дни, когда мы выступали, кинозал уже не пустовал и билеты продавались хорошо.

Однажды к сцене подошёл пожилой фронтовик и говорит: «Хорошо вы играете, ребята. А на русском языке почему не поёте?». Мишка Мошков тут же нашёлся, что сказать: «Отец, это музыка такая - на русском языке не поётся». И вопрос был снят. Из-за Толика, который долго ржал по этому поводу и поэтому дальше петь не мог, пришлось сделать перерыв.

Потом пришли раздумья. Действительно, все мы задались вопросом, а как это возможно, чтобы простая советская публика, точнее так называемая рабоче-крестьянская публика, в состоянии слушать и получать удовольствие от «Битлз», «Манкиз», «Холлиз», «Энималз»,

«Прокол Харум» и т.д. и т.п. Похоже, что музыка была достаточно зажигательной и эмоциональной, и подходила для всех, так сказать, «стран и народов». Репертуар подбирали со вкусом, играли без сучка и задоринки, и потому всё

проходило на ура и сходило с рук.

По тому времени, купить что-либо приличное из одежды было делом нелёгким. Всё надо было доставать, заводить знакомства, иметь контакты, ну и достаточно денег.

Захотелось выглядеть более профессионально и начались поиски вариантов. Мишка Мошков, как всегда, оказался на высоте и вскоре, но правда с переплатой, нам всем устроили сначала полосатые джерсовки из венгерского магазина «Балатон», а потом и «дакроновые» костюмы, которые на западе были в зените популярности. В СССР что-то с запада всегда просачивалось, но в мизерных количествах и рассасывалось в основном среди своих. До рабоче-крестьянского люда ничего толком не доходило и им приходилось довольствоваться швейными изделиями фабрики «Заря Коммунизма», «Большевичка» и ботинками «Красного Богатыря». Да и денег у простого люда хватало лишь на пропитание, хотя для водки всегда место было. А если не было, то занимали до следующей получки. Женщинам было тяжело, а мужикам не просто выкроить деньги. На целую бутылку от жены не всегда удавалось утаить, поэтому её «давили» на троих, но зато по деньгам было доступно.

Дакроновые костюмы своё дело сделали и повысили рейтинг группы, теперь уже более похожей на профессиональную, а не из подворотни.

Посещаемость ДК «Химик» продолжала улучшаться, что радовало и киномеханика и симпатичную массовика-затейника Анжелику Петровну и саму, закалённую в боях, директрису. О них остались только хорошие воспоминания.

Мало у кого из московских групп была такая роскошь, как большая комната для репетиций и комната для хранения инструментов и усилителей. Замок установили свой и никто кроме нас в комнату войти не мог. Это было удобно во многих отношениях.

В Волгоград ездил регулярно, в основном навестить мать, ну и пообщаться с Валентиной, моей первой подругой детства.

Во время одной из таких поездок в Волгограде вдруг объявили карантин (1970г.). Как выяснилось, в области произошла вспышка холеры и везде в городе появился резкий запах хлорки.

Все поезда, идущие в Москву были заблокированы для тех, кто не просидел на карантине 45 дней. Для меня это было неприемлемо по многим причинам и Нина Макаровна, мать Валентины, предложила меня провезти нелегально. Как известно, после прихода поезда состав оттягивают на заправку и подготовку к рейсу. Если на перроне вокзала стояло

военное и милицееское оцепление и в поезд просто так без пропуска пробраться было нельзя, на загоне ничего подобного не было.

Нина Макаровна впустила меня в вагон, уложила на верхнюю полку купе для проводников и «забаррикадировала» матрацами.

«Лежи тихо! Ни звука!» - сказала она, когда состав потянули к вокзалу для посадки. Все вагоны милиция и солдаты прошманили капитально, однако Нина Макаровна вела себя очень приветливо и умудрилась запудрить им мозги, отвлекая их от обыска. Угостив солдатиков чем-то, она их проводила дальше, а я, затаив дыхание, думал, что предполагаемая тёща – что надо.

В Москве меня ждала учёба и Тролли. Что-то менялось внутри и детство уходило в забытье. Карантин и связанное с ним опустошение только добавили ощущение, что всё, связанное с детством, как-бы растворяется в тумане и на его место настойчиво приходит что-то другое - манящее и доселе неведомое.

Глава 3

Триумф

Благодаря людской молве, популярность Троллей росла быстрыми темпами. Выступления стали носить более разнообразный характер - играли в кафе на частных вечерах, свадьбах, в ВУЗах, исследовательских институтах и даже с различных сцен.

Музыка менялась, менялись и мы, оставаясь, тем не менее, верными первоначально выбранному направлению. Под влиянием западной группы «Троггс» наш облик поменялся на более «суровый» - тёмно полосатые джерси – импорт из ГДР или Венгрии. Они сформировали новый, более про-западный, облик группы.

Начали писать свою музыку, однако либо инструментальную, либо на английском языке. Две сделал я и одну Николай Курьеров. Одна из моих называлась «Рассвет над Москвой» - то ли солнце встаёт, то ли перемены идут. Каждый понимал и по-своему интерпретировал инструментальную пьесу под жёсткий барабанный бит.

Однажды Мишка Мошков влетел как сумасшедший в комнату, где мы готовились к репетиции и объявил: «Нас будут снимать для телевидения. Местный московский канал».

Мы дружно «заржали», думая что он шутит. Однако, он не шутил. Оказалось, что какой-то изобретательный ведущий передачи под рубрикой «Вопросы и ответы» решил протащить новое музыкальное веяние на экраны и стать теле-новатором.

«Едем прямо сейчас,» - объявил Мишка.

«Куда?» - чуть ли не хором спросили мы.

«На Калининский проспект.»

Это было очевидно, хоть и невероятно, и поймав «тачку» Тролли отправились к месту съёмки. Телекамеры и съёмочная группа уже были на месте.

Выставили нас на передней поляне у церквушки-музея, с которого начиналась высотная часть Калининского проспекта (ныне – Новый Арбат) – тогдашней гордости современного коммунистического градостроения.

Записывали всё живьём без дублей. Что творилось! Во мгновение ока скопилась огромная толпа прохожих, автомобильное движение заклинило и ГАИшники стали проявлять беспокойство. Однако, всё

прошло гладко, после чего мы быстро свернули «монатки» и отбыли восвояси.

Передача на местном московском канале шла как обычно и ведущий зачитал вопрос телезрителя: «Слышали, что есть такие сказочные персонажи – тролли. Не могли бы вы в своей передаче рассказать о них?».

«Ну что ж, дорогие телезрители, мы приготовили для вас ответ.»

Было смешно, когда вместо ответа последовала наша запись с Калининского проспекта и субтитром «ТРОЛЛИ».

Для нас всё выглядело весьма прилично, но мы понимали, как к этому отнесётся советская цензура. Позже, когда появились видеоманитофоны, мы попытались вытянуть из архива эту запись, но увы – никаких следов отыскать не удалось. Нам сообщили, что запись была уничтожена. Наверно, наврали, кто его знает?!

Несколько событий носили весьма грандиозный характер. Помимо того, что до сих пор нас приглашали в основном, чтобы развлекать публику, появилась новая тенденция – для нас открылась и сцена.

В зале ДК МЭИ яблоку негде было упасть и мы впервые вкусили палитру ослепительного цветового оформления сцены. Какие только цвета радуги не сияли на белых клавишах моей органолы. Оказалось, что пальцы всё же помнили, какие клавиши надо нажимать. Бесконечные репетиции и желание всю музыку идеально «вылизать» не прошли даром.

Далее последовали аналогичные аншлаги в Зеленоградском исследовательском институте, работавшим на космос, а также МФТИ в городе Долгопрудном. В результате, количество слушателей подскочило в несколько раз. И пошла молва.

Остановить распространение бит-музыки уже было невозможно и комсомольские органы стали делать всё, чтобы придать битловскому течению организованный и направленный характер.

В этих целях, почему-то в нашем ДК «Химик», организовали конкурс политической песни и пригласили нас участвовать. В жюри сидел Давид Тухманов, в то время молодой и весьма прогрессивный композитор, пробравшийся через все препоны благодаря своей песне «Этот день победы», которую помимо Иосифа Кобзона стали распевать сводные хоры милиции и армии.

На конкурсе выступило много всяких самодеятельных групп, которые пели на русском языке. «Скоморохи» Александра Градского спели его песню «Отчего ты, Испания, в небо смотрела» - точно по теме. В наши планы исполнять песни на русском языке не входило и мы выбрали инструментальную композицию «Валпурьева Ночь» в варианте группы «Прокол Харум». Мы все попадали со смеху, когда её объявили как песня-протест против ядерной войны. Исполнили мы её так классно, что Сашка Градский завёлся и стал махать руками, как бы дирижируя, на каждый финальный аккорд.

Жюри всё понравилось, но конкурс мы не выиграли. Набрав 97 баллов, на первом месте оказались мало кому знакомые «Кентавры», которые синхронно двигались под музыку и были в костюмах и гладко пострижены, а в качестве первого приза была поездка в Венгрию на музыкальный фестиваль. Мы выступали в своих полосатых джерсовках и в принципе не ожидали, что нас могут отправить выступать за границу при нашем прозападном виде и с длинными волосами. Однако второй приз, рижский радиоприёмник «Гауйя», мы всё-таки взяли, получив 93 бала. За нами шли «Скоморохи» с 76 баллами. Разрыв оказался большой

и это было приятно, так как «Скоморохи» на подпольном музыкальном рынке котировались исключительно высоко. На этом, однако, всё не закончилось. По завершению конкурса к нам «подрулил» Давид Тухманов и предложил сотрудничество. Его жена Татьяна Сашко закончила музыкальное училище по вокалу и у Давида появилась надежда, что с современной «вокально-инструментальной» группой можно продвинуться к зениту славы а заодно и супругу продвинуть. У нас тоже была надежда когда-нибудь пробраться на профессиональную сцену и мы согласились.

Давид «попёр» как танк и не успели мы очухаться, как оказались на прослушивании в Зеркальном театре «Эрмитаж», где подбирали номера для предстоящего эстрадного концерта.

У меня волосы были длинные, как у Битлов, что привлекло внимание режиссёра-постановщика.

Он забрался на сцену, подошёл ко мне, поднял мой чуб и сказал: «У тебя умный лоб, а ты его волосами закрыл. Надо будет волосы зачесать или укоротить. Так будет лучше выглядеть».

«Ещё чего,» - отпарировал я без тени сомнения. «Перебьётесь».

Похоже, наши полосатые джерсовки и длинные волосы отпугнули организаторов, испортив тухмановские планы.

Однако, через буквально несколько дней мы, вместе с Давидом и Татьяной, «просочились» в Центральный Парк Культуры и Отдыха им. Горького на открытую сцену (ракушку) слева от центрального входа.

Как только заиграли, народ «повалил» со страшной силой и запрудил всю прилегающую территорию. Рогатые гитары и длинные волосы привлекали всех нормальных людей и они слетались на концерт как пчёлы на мёд.

Наш «Биг бит» завёл публику и прямо перед сценой начали отплясывать то ли «шейк», то ли «твист», то ли «манкис».

Вдруг в середине песни электричество вырубилось и звук пропал. Оказалось, что директору парка кто-то донёс о «беспорядке» и тот прилетев как сумасшедший, выдернул вилку из розетки.

Мишка Мошков в буквальном смысле озверел, поскольку «усилки» могли перегореть, кому свой труд не жалко, и схватив директора за грудки хотел его сбросить в толпу, однако тот пасанул, увидев реакцию публики, и мы смогли закончить концерт нормально.

Глава 4

Времена Года

«Времена Года» – так называлось кафе в ЦПКИО им. Горького. Второй этаж был разбит на две секции. В одной разместили нас, Троллей, а в другой по вечерам играл типичный для того времени музыкальный ансамбль, исполняющий традиционную ресторанную музыку. По началу нашим соседям не понравилось, что из соседней комнаты доносились громкие электромузыкальные звуки, но потом они сами стали приходить в перерывах послушать «дикувинную» битловскую музыку.

В июле-августе Тролли «лабали» там по вечерам и попасть в кафе без билетов уже было невозможно – народ «пёр по-чёрному». Приходили «антерпренёры» других подпольных московских групп, и сами музыканты, нас послушать. Юра Айзеншпис, т.н. мэнеджер «Соколов», быстро смекнул, что на нас можно было подзаработать, если запустить по кругу частных вечеринок. Как потом выяснилось, за ним уже охотились органы ОБХСС, которым в конечном итоге удалось его «упечь» на длительный срок.

Официальные райкомовские органы всегда побаивались сборищ и ажиотажа. Вскоре директор кафе нас «вежливо попросил» оттуда,

наверное, получив партийное порицание за пособничество буржуазной пропаганде.

Однако, уже сформировалась группа поклонников, которые появлялись почти на каждом нашем выступлении. Откуда они узнавали, где Тролли должны были выступать, сказать трудно. Желаящих попасть на выступление всегда было больше, чем сидячих и стоячих мест. Ажиотаж вокруг выступлений бит-групп продолжался. Остановить поток желающих посмотреть и послушать их не ослабевал. Кому не удавалось просочиться через «дружинников», тот забирался по стойке водосточных труб и далее через окно, кем-то открытое изнутри. В основном наши выступления были на частных вечерах, так сказать в «подвалах», но иногда удавалось выбраться и на свет божий.

Аналогичная картина наблюдалась и на выступлениях других групп, так что о конкуренции думать не приходилось, у всех было достаточно болельщиков и популярности. Конечно, и задворные группы были, но пробиться им было не суждено.

Не обошлось и без приключений. Комсомольские органы начали делать вид, что понимают интересы молодёжи и современные тенденции, и вместо полного отрицания западной культуры, попытались найти пути к сотрудничеству.

Знакомый Мишки Мошкова, комсомольский работник, проводил комсомольскую учёбу и пригласил нас поиграть для участников. Прибыли мы на место когда там шло какое-то заседание и вручение грамот. Нам предложили сложить инструменты в комнате справа от сцены. Из комнаты был запасный выход на лестничную площадку. Задняя дверь туда была закрыта и казалось оборудование и инструменты были в безопасности.

Мы сели сбоку у прохода, чтобы комната с инструментами хорошо просматривалась. Однако, кто-то из местных закрыл входную дверь. У меня было какое-то дурное предчувствие, но трудно себе было представить, что кто-то отважится проникнуть за кулисы извне.

Пришло время, и мы начали готовить инструменты и усилители. Вдруг, Колька Курьеров обнаружил что все наши гитары украли, взломав заднюю дверь с чёрного хода.

Конечно, концерт не состоялся. Пришла милиция с собаками, но увы, воров и след простыл. А может это были не воры, а кто-то подослан чтобы лишить нас инструментов, а значит и удалить со сцены.

Но не тут-то было, благодаря связям с дельцами так называемого «чёрного рынка», мы быстро обзавелись новыми инструментами и продолжили свою миссию.

Глава 5

Вниз по течению

В институт химического машиностроения (МИХМ) поступать не хотелось, хотелось поступить во ВГИК на операторский. Однако, конкурс был 16 человек на место и это пугало моего отца, который боялся, что я «загремлю» в армию. Я «прогнул» под давлением родителей и подал заявление в МИХМ на пластмассы. Набрав 14 из 15 проходных баллов, я поступил на Органический Факультет.

Нас тут же всех отправили на картошку в Чеховский район Московской области. Ну я, конечно, и гитару с собой прихватил. Юрка Соколов, который в последствии перешёл учиться в военную академию химзащиты, тоже притащил гитару. Играли напару, а к нам присоединилась Тамара Турко и наше трио попевало всякие студенческие песни, которых я не знал, но сумел быстро их воспринять.

По возвращению оказалось, что в МИХМе организовали конкурс студенческой песни и мы тут же подписались. Заняв второе место и попав в местную газету «За Кадры Химического Машиностроения», где нас похвалили как первокурсников. Однако, дальше этого у нас дело не пошло. На факультете сформировалась команда КВН и так-называемая агит-бригада, куда меня и подписали. Обединившись с ребятами из

Машиностроительного факультета, наша бригада стала непобедимой и ездила в другие ВУЗы Москвы для показательных выступлений. Особенно убийственной программой у нас была оперетта «МИХМ Зажигает Огни», а также «В Джазе Только Девушки» по американской комедии «Some Like It Hot» с Мерилин Монро, Тони Кёртисом и Джеком Леммоном в главных ролях. Мы переодевались, используя косметику, бюстгальтеры и пояса (тут подложишь, там утянешь) и народ просто катался по полу от смеха, когда мы выступали.

К музыкальным и сценическим приключениям добавилось ещё одно. Как пела звезда оперетты Татьяна Шмыга: «Я пью, всё мне мало, уж пьяною стала», так и я никак не мог напиться своей творческой инициативой. В один из моих походов в МЭИ мы с Колей Курьеровым пошли в столовую и там бедных студентов подряжали для съёмок в массовках на Мосфильме за символические деньги. Ну я тут же и записался.

Оказалось, снимали фильм с участием известных комедийных актёров Игоря Ильинского и Сергея Филиппова, как бы вторую часть фильма «Карнавальная Ночь». Мишка Нестеров тоже присоединился.

Ну меня, конечно, «засосало» туда капитально. Колька и Мишка после двух-трёх раз ходить перестали, а я продолжил, и вскоре один режиссёр «выделил» меня из толпы для съёмки в маленьком эпизоде фильма «Жажда Над Ручьём». За это вместо 3-х рублей в день в массовке, мне заплатили 7 руб. 50 коп.

Ещё в Сталинграде родители подарили мне 8-ми миллиметровую кинокамеру. Ещё тогда я углубился в творческий процесс – написал сценарий немого фильма-комедии, купил киноплёнки и в очередной раз, когда мы поехали с ребятами на рыбалку, снял 10-ти минутный ролик. По этому случаю собрались у Сашки Поповского дома и я показал фильм. Было очень смешно и все присутствующие, включая родителей,

катались по полу от смеха. Как оказалось, у меня была тяга к кино и поэтому я застрял на Мосфильме, нисколько не думая о последствиях.

Уже заканчивался первый семестр третьего курса и приближалась экзаменационная сессия. В начале декабря отец попросил меня показать ему мою зачётную книжку.

Увы, похвастаться было нечем – ни одного зачёта проставлено не было и к сессии, естественно меня бы не допустили.

Взял меня отец за «хемо» и притащил к Зам. Декана Органического факультета Н. Глебову. Тот быстро припомнил мои приключения в КВН и агитбригаде, и отметил мой актёрский талант. Однако, положение обязывало, и он заявил: «Будем отчислять».

Мне вообще-то было «до лампочки» куда этот процесс пойдёт, но отец попросил дать мне шанс и при моём молчаливом согласии шанс мне таки дали. За декабрь и январь я должен был сделать все пропущенные лабораторные работы, получить все зачёты и сдать по крайней мере 3 из пяти экзаменов. Ну и слово с меня взяли. Обещания свои я всегда скрупулёзно выполнял и пришлось с Мосфильмом завязать и сфокусироваться на выполнении обещания. К февралю всё было сделано и осталось только два «хвоста», которые я обрубил уже в мае, когда были всякие перездачи, оба сдал на отлично. Далее всё пошло

гладко, без сучка и задоринки, включая мою игру в бит-группе «Тролли». Не даром говорится: «Спасение утопающих – дело рук самих утопающих».

Глава 6

Над морскими над волнами гордо реял «Буревестник»

И не один, а целых три! Только престижному учебному учреждению могли позволить оккупировать часть черноморского побережья Кавказа. Таковым, естественно, был МГУ.

Буревестники 1, 2 и 3 находились недалеко друг от друга, 30 минут пешком по извилистой горной дороге. В лагерь съезжались не только студенты МГУ, но и «дикари», которым всегда удавалось найти пристанище у какой-нибудь местной бабульки. Больше всего шума наделал Буревестник 1, где на лето приезжала музыкальная рок группа.

Мне тоже довелось провести месяц в атмосфере МГУ-шных заморочек. В этот сезон играла «Мозаика», которую сделали известной Вячеслав Малежек и Слава Кеслер. Хороший вокал и безупречное исполнение снискали «Мозаике» огромную популярность. Позже Кеслер перевёл рок-оперу «Иисус Христос Суперзвезда» на русский язык, и «Мозаика» поразила всех высокочлассным исполнением этого уникального произведения Эндрю Ллойд Веббера.

С Мишкой Мошковым мы тесно дружили, и он меня пригласил одним летом присоединиться к нему для поездки Буревестник-1. Надежду Балинскую в МГУ знали хорошо по её исполнению песни Гершвина «Летнее Время». И она тоже оказалась в Буревестнике-1. Мишка сразу же на неё глаз положил. В один из вечеров во время медленного танца Мишка её и заворожил.

«Он как положил мне руку на талию и притянул к себе, я сразу поняла, что этого мужика мне судьба послала», - рассказывала Надежда, теперь уже Мошкова.

В этот же сезон в Буревестник-1 «слетелись» и другие музыканты, в частности Саша Градский со своей командой «Скоморохов», а также разные девчонки, ищущие романтических приключений.

Пианистом (клавишником) в «Мозаике» был Юра Чепыжов, а его жена танцевала в известнейшем в то время ансамбле «Русский Сувенир». Каким-то образом мне приходилось пересекаться с этими ребятами и мои походы в МГУ участились.

Ансамбль отмечал то ли какой-то юбилей, то ли удачную зарубежную поездку и меня пригласили поучаствовать. Было весело, особенно когда

они запели частушки. Эта часть частушки мне особенно запомнилась: «... а начальство не поймёт, кто из нас кого ...целует».

Личные контакты очень пригодились. Мишка Мошков однажды устроил поездку «Мозаики» на лето в Новый Свет. Крым вообще всегда считался местом экзотическим, а посёлок Новый Свет недоступным и упрятым среди гор райским местечком. Окружённый горами Орёл и Сокол и омываемый тремя бухтами, Зелёной, Разбойничей и Царской, а также примыкающей к ним уникальной долиной «Рая и Ада», этот посёлок притягивал к себе как магнит.

Из-за расположенных там в горных пещерах Галицинского завода шампанских вин, выпускавшихся под маркой «Крым-сект» и идущих

исключительно в Западную Германию, а также санатория и дома отдыха для работников «почтового ящика», а именно московского предприятия по выпуску вредной для здоровья военной продукции, доступ простым смертным туда был «заказан».

Дорога в Новый Свет прерывалась шлагбаумом и чтобы попасть туда вроде бы требовалось разрешение. Но мы всё равно просачивались, установив контакт с местным населением.

Юрка Чепыжёв поехать не смог и «Мозаика» попросила меня его подменить, что мы и сделали. От девах трудно было отбиваться, от одной в особенности. Просилась, чтобы я её взял в Москву и была согласна на всё. Пришлось врать, что Женя это не моё настоящее имя, а настоящее я раскрыть не могу, так как работаю разведчиком и по возвращению в Москву уеду за границу. Так мы и расстались, без последствий, хотя и хорошо вместе провели время.

Хозяин дома, где мы останавливались, Иван, работал на заводе шампанских вин и, как это не парадоксально, умудрялся приносить шампанское, только без этикеток. Оказалось, что в горе Орёл «пробурили» ствол на склад, откуда бутылки с шампанским верёвкой поднимались наверх. В свою очередь, мы с Мишкой Мошковым ныряли и обдирали ракушки (мидии) с подводных камней, отваривали, а потом

обжаривали их в майонезе и сливочным масле и употребляли, запивая экспортным шампанским.

Пляжи были умопомрачительные, особенно Царский пляж, а долина «Рая и Ада» поражала своей уникальностью - с одной стороны наворотом камней и щелью в скале, из которой доносился шум и со свистом вылетал холодный воздух, а с другой, присоединённой долиной с девственной травой и буквально мёртвой тишиной. Эхо повторяло сказанное бесчисленное количество раз и затухало где-то в дали. Не было слышно ни шума моря, не ощущалось никакого дуновения ветра, не было ни насекомых, ни птиц, как будто это место находилось вне планеты Земля.

Мишку Нестерова вскоре загребли в армию... Артур Макарьев, управляющий «Ветров Перемен», любил нашу группу и очень хотел нам помочь, познакомив нас с «Панцевым», то бишь Мишей Черепанцевым. Панцев был без комплексов, быстро освоил программу и после небольшого перерыва Тролли заиграли опять.

Глава 7

Не мытьём, так катаньем! (Бит клуб «Мелодия и ритм»)

Популярность рок-музыки росла невероятными темпами. В течение какого-то периода власти не замечали, или делали вид, что не замечали,

как распространяется «враждебная» западная культура в советском социалистическом обществе. Заграничные пластинки и плёнки с записями западных групп циркулировали среди молодёжи весьма интенсивно и заполняли образовавшийся вакуум в официальной советской культуре, которая отрицала новое течение в музыке, идущее с запада. Те, кому удавалось раздобыть диски, другим переписывать давали за деньги и, конечно, богатели, как это всегда происходит в обществе, где существуют запреты.

Группы в Москве плодились как грибы. Классных групп было меньше и их все знали: «Наследники», «Ветры Перемен», «Мозаика», «Скоморохи» и другие. Процесс медленно, но верно, выходил из-под контроля.

Для придания организованного характера развития новых музыкальных тенденций и по «инициативе» ЦК ВЛКСМ был создан клуб «Мелодия и Ритм», которым «заведовал» Игорь Абраменков. Первые московские группы, включая нашу, вошли туда автоматически, остальные должны были почему-то выступить перед членами приёмного жури, куда входили «постоянные члены-учредители». Прямо как в ООН! Сначала собирались в кафе «Молодёжное» на улице Горького (ныне Тверская), потом в какой-то заброшенной церквушке в Замоскворечье на Большой Ордынке, а затем в помещении бомбоубежища на улице Алабяна, неподалёку от станции метро «Сокол».

Первой новой группой, которая запросила прослушивание, оказалась «Машина Времени», которая спела песню «Новый Поворот» на русском языке и конечно была принята в клуб единогласно. Оказалось, что можно исполнять «биг бит» и не на английском языке. Надо отдать должное Андрею Макаревичу – как в песне Пахмутовой поётся: «...удача - награда за смелость!»

В клубе всех переписывали поимённо, выдавая членские карточки, и позже стало ясно, что легализация рок-музыки в те годы была явлением временным, так как всех по команде сверху позже разогнали, как говорится, точно по списку членов клуба.

В это время в клубе «Химик» всё шло как нельзя лучше, однако до поры до времени. Нам выступления организовывал Юра Феофанов, он же помогал Алексею Козлову в организации концертов. Однако, в один из дней подходит к нам Анжелика Петровна с не свойственным ей

серьёзным лицом и сообщает, что мы должны освободить коморку, так как она нужна для хранения какого-то инвентаря. Это показалось странным и мы отправились к директрисе, думая что удастся уладить этот вопрос. Она встретила нас с папиросой «Беломор Канал» во рту, предложила присесть и сказала буквально следующее: «Ребята, вы мне очень нравитесь, и музыка у вас хорошая – современная, и народ вас принимает хорошо, но вам придётся из клуба съехать», протянув Мишке Мошкову письмо Райкома КПСС с предписанием, грубо говоря, выбросить нас на улицу без объяснений.

Помню Мишка тогда пошутил: «Всех битлов постричь, а гитары переделать на балалайки». Делать было нечего и мы съехали. Репетировать уже было негде.

Согласно слухам, «Машина Времени» переместилась на дачу, где группа стала записывать компакт кассеты со своей музыкой и бесплатно их раздавать. Не удивительно, что когда все запреты сняли, «Машина» заурчала первой и быстро получила признание.

Глава 8

ВТОРАЯ ПОПЫТКА

Миша Мошков и Коля Курьеров в какой-то момент присоединились к группе «Арсенал» Алексея Козлова. В это время группа подготовила рок

оперу «Иисус Христос Суперзвезда». Колю взяли на ритм гитару, а Мишу на перкашн (звоночки, треугольнички, колокольчики и прочие шумовые причиндалы).

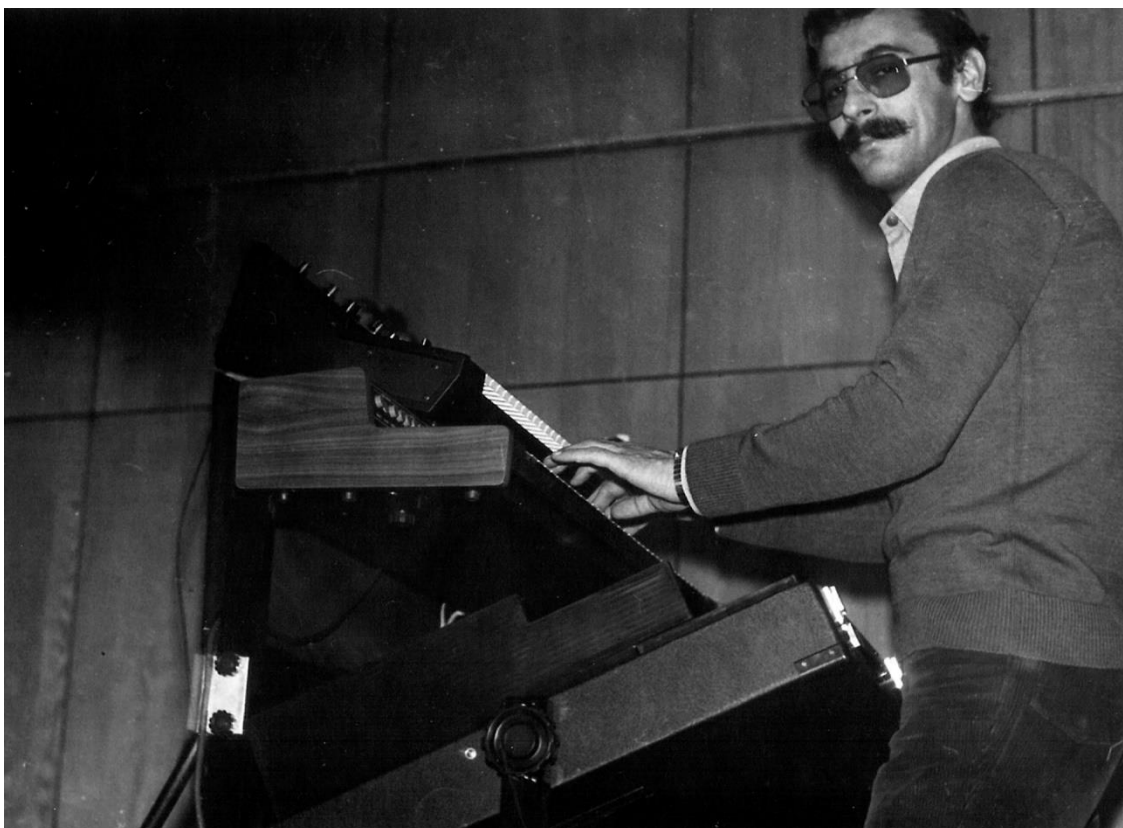
В то время я мог играть всю рок оперу на пианино и петь все вокальные партии наизусть. Мишке моё исполнение нравилось, и он предложил Козлову прослушать меня на партию Иуды. Английский я знал хорошо, да и произношение у меня было отменное. Однако, партию оставили за Олегом Тверитиновым по кличке «Клещ» (он уже в этой роли выступал) – его голос лучше подошёл по тембру, а мой был высоковат.

Через какое-то время, мы решили воссоединиться опять, но уже под новым названием – «Воспоминание о Будущем». К нам присоединился Юра Ермаков из бывших «Соколов», Саша новый барабанщик (не помню фамилии) и ритм-гитарист Андрей (фамилию тоже не помню). Мишкин друг Саша Соколов в то время работал в НИИ Автоматики и Телемеханике, где мы и свили своё новое «гнёздышко».

ВТОРАЯ ПОПЫТКА (1979 – 1981) «Воспоминания о Будущем»

К тому времени музыка изменилась – добавились синтезаторы звука. Цены на эти электромузыкальные инструменты были за улётные, но мы всё-таки вложились основательно. Построили новую аппаратуру, так называемую «паблик адрес» с пультовым микшером и мониторами, а я привёз из ФРГ синтезатор фирмы «Корг». В конечном итоге, у меня оказалось аж четыре клавиатуры – две у органа, одна у электро-пианино со скрипками и одна у синтезатора.

Подготовили новую программу достаточно быстро. Вскоре устроили концерт с приглашением нужных людей. Также хотелось посмотреть реакцию публики. Играли почему-то только инструментальную музыку. Публике всё понравилось, однако продать эту программу не получилось.

Встал вопрос о дальнейшей судьбе группы. Перспектива новых денежных вливаний никого не устраивала, а Саша Соколов загремел в тюрьму за спекуляцию, так что оставаться в этом НИИ уже было невозможно. В дополнение ко всему, профессиональная сцена поглотила «бунтарей», заменив их на русскоязычный вариант —

«официальный» рок. Я решил дальше не продолжать и больше в группе не участвовать. Соответственно, все разбрелись кто-куда.

Снова играть в рок группах я начал уже в США, куда приехал по работе/бизнесу через несколько лет после развала СССР.

Глава 9

И СМЕХ, И ГРЕХ

На длинные волосы и рогатые гитары девушки слетались как пчёлы на цветы. Припоминаются всевозможные казусы, в которые были вовлечены мои друзья-музыканты. Однако писать об этом неприлично!

Упомяну только несколько интересных моментов. «Арсенал» Алексея Козлова был известен не только в СССР, но и в США. Так получилось, что Юра Феофанов контактировал с работницей американского посольства по имени Джун. Она живо интересовалась развитием рок-музыки в Москве и однажды мы все оказались в клубе железнодорожников недалеко от метро «Щёлковская». Там выступали «Скоморохи». После двадцати минут исполнения песни Роллинг Стоунс (The Rolling Stones) «Не могу найти удовлетворения» (I Can't Get No Satisfaction), Джун начала посмеиваться. Наверное, ей, как и нам, казалось, что они просто тянут время.

В МГУ играли неоднократно. Однажды выступало сразу несколько групп, включая нас. Валера Шаповалов, управляющий одной из групп, предложил распить бутылку водки. У «Троллей», однако, было правило – до и во время выступлений к спиртному не прикладываться. Валера начал подтрунивать нас, называя слабаками. Толик не выдержал и решил продемонстрировать свои способности. Взяв бутылку водки, он запрокинул голову и, открыв рот раструбом, влил себе дозу, даже не глотая. Такого Толик при нас раньше не проделывал. Мы знали, что он может спокойно жевать красный стручковый перец, но никак не вливать водку прямо в горло.

Припоминаю ещё и такой смешной случай. Ритм-гитарист Андрей всегда носил кожаную куртку, которая была истёрта и прилично истрескалась. Мы обратили на это его внимание, но без претензий. Вдруг на следующую репетицию он явился в той же куртке, но она блестела как зеркало. Не дожидаясь вопросов, он сказал, что обмазал её гуталином и влез в переполненный троллейбус, где и потёрся как следует. Может шутил, а может и нет, но всех изрядно развеселил.

Однажды я с партнёрами летел самолётом в Лондон. На этом же самолёте летел и Стас Намин, основатель и участник группы «Цветы». Мы друг друга сразу узнали и были очень рады неожиданной встрече. Оказывается, в то время, он организовывал концерт группы «Железная Дева» («Iron Maiden») в Москве. Стас пригласил меня в качестве «очень

важного гостя» на этот концерт, где для них были выделены места ближе к сцене. Мой брат, Георгий, был фанатом этой группы и присоединился ко мне. Он притащил с собой плакат из простыни с надписью названия группы, которым стал размахивать, подбежав вплотную к сцене. Музыканты его не могли не заметить. Один из них забрал у брата эту простыню и повесил на одну из колонок, где она оставалась в течение всего их выступления. При каждом ударе бассдрама, музыкальные волны низкой частоты сдавливали грудную клетку так, что дышать было трудно. Ну а об ушах и говорить нечего – для восстановления слуха после концерта потребовалось целых два часа, а может быть и больше!

Все авторские права защищены!

Копирование и распространение данного материала без специального разрешения запрещается!